

Чеченское лицо НТВ

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 1
чеченский народ нуждается, как бы это пафосно ни звучало, в таком нравственном авторитете, таком человеке, который был бы не только управленцем, хозяйственником. В человеке, на которого бы люди ориентировались по каким-то моральным принципам. И который в предыдущих чеченских драчках не был бы ничем запачкан. Сейчас таких людей среди объявленных кандидатов я не вижу.

– А Кадыров?

– Кадыров давно у власти, его существование там, в республике, только ухудшает ситуацию.

– Стиль вашей передачи достаточно бесстрастный, в то время как, скажем, по Первому каналу, по каналу «Россия» идут материалы с явной симпатией к чеченским властям и к тому, что делают власти в Чечне. Запомнилась фраза одного комментатора с «России» об итогах референдума. Он сказал: таким образом, острейшая проблема на юге страны разрешилась. Вы бы смогли в таком русле освещать эти события, если бы оказались ведущей на госканалах?

– Вы знаете, я думаю, именно по этим причинам мне никогда не светит появиться ведущей ни на Первом канале, ни на канале «Россия». Когда имеешь четкое понимание того, что там происходит, говорить вещи, которые не имеют место быть... Мне кажется, что это было бы предательством своего народа – говорить о том, что решена острейшая проблема, когда на самом деле этот референдум в какой-то степени явился усугублением ситуации. Я бы не смогла, естественно.

– То есть вам было бы трудно делать бойкий, веселый репортаж, как хорошо все голосовали на референдуме?

– Да, мне трудно было бы, я бы не смогла его сделать.

– А вообще, работая в таком мощном информационном холдинге, вы стали иначе оценивать все эти события?

– Нет. Мое отношение к происходящему в Чечне давно сформировано, и по-другому я оценивать не стала. Но недавно у меня была встреча с людьми, которых наша пресс-служба представила как влиятельных представителей американских СМИ. Мы ужинали в ресторане «Пушкин», и меня поразила одна вещь. Вы знаете, они за ужином так легко и непринужденно разговаривали, спрашивали о том, что там творится, что надо сделать, чтобы изменить ситуацию. В промежутках между вопросами о «зачистке» они говорили: ой, здесь бефстроганов готовят лучше, чем в том ресторане, в котором мы были вчера. Я поняла, что эти люди абсолютно далеки от наших настоящих проблем... Я помню, когда мы сидели в 1995-м под бомбежками, такие чеченские наивные мечты были: вот Америка вмешается, нам поможет или Британия, например. Такие народные легенды ходили... А теперь я ясно вижу, что, кроме самих чеченцев, из этого болота их вытащить никто не сможет.

– Я знаю, вы недолго работали в «Общей газете» и участвовали в одном исследовании – попытке понять, чего хотят для Чечни представители московской диаспоры, и сравнить это с чаяниями нынешних жителей республики. Понять вроде бы так и не удалось.

– И до сих пор непонятно. Каждая политическая сила трактует желания народа, как ей выгодно. И много ссылаются на социологические опросы... Ну невозможно в Чечне достоверные опросы проводить! И поэтому я ничего не могу сказать о том, чего хочет чеченский народ. Что же до опроса, который мы проводили в «Общей газете», то мы не выяснили позицию всей диаспоры. Мы взяли выборочно более или менее крупные фигуры, но даже между собой у них позиции разнились, поэтому на их взгляды опираться ни в коем случае нельзя.

– Правда ли, что НТВ – это ваше первое постоянное место работы?

– Да, я окончила журфак и почти сразу начала работать на НТВ. Мне повезло. Не всю же жизнь чеченскому народу страдать... Звонок Парфенова, предложившего работу, был совершенно неожиданным. Я вообще не поняла, какой Леонид звонит. Очень плохо было слышно, потому что у меня плакал ребенок, еще какой-то шум в квартире был. Думала,

Асет Вацуева все реже встречается с земляками.

Фото Артема Житенева (НГ-фото)

это мой бывший сокурсник, который хочет поинтересоваться, как у меня все сложилось... А потом слышу – телекомпания НТВ, предложения о работе. Тогда до меня стало доходить, о чем речь идет.

– Говорят, что сам по себе жанр вашей программы вызывает сомнения. Ей прочат не то закрытие, не то длительный отпуск...

– Споры о жанре никаким образом не связаны со слухами об отпуске. Если эти споры по стилю были вначале, то уже к маю–июню их не стало. Кстати, уже и в регионах делают парное ведение телепередач по нашему примеру. Так что это уже не спор, это стиль, которому многие подражают.

– Многим кажется, что не очень естественно подавать серьезные новости вперемешку с игровым жанром, создающим ощущение необязательности всей программы.

– Иногда бывают вещи, которые можно обыграть. Конечно, это не смерть Саддама Хусейна, не смерть Ющенко. Ситуацию с ЮКОСом мы подавали всегда очень серьезно. Но бывают такие новости, которые в однообразном, монотонном изложении никто и не слушает.

– Вы не опасаетесь, что сейчас, после кончины ТВС, ваш

«Голос Чеченской Республики», а еще раньше – «Грозненский рабочий». Это вообще самая старая газета в республике, издавалась с 1917 года. Это газета, в которую отец, Абдулла Вацуев, вложил всю свою судьбу, душу, деньги, все. Благодаря которой мы были брошенными детьми, папу видели очень редко. Папа был историком, он выступал против теории «200-летия добровольного вхождения Чечни в состав России», которая перечеркивала практически всю чеченскую историю, всю Кавказскую войну. А в советские годы выступать против этого было безумием, отца уволили из института, он был реальным диссидентом. После этой истории с увольнением отец ушел на какой-то битумный завод, там у них собирались люди, ну такая советская диссидентская жизнь была. Потом началась перестройка, папа начал печататься в «Грозненском рабочем» под псевдонимом. Потом под своим именем. В итоге коллектив выбрал его главным редактором. Под именем «Голос Чеченской Республики» газета стала органом чеченского парламента. Естественно, она была оппозиционной. Дудаев ее закрывал, Яндарбиев закрывал, опять были гонения на отца. Я помню, отец прятался где-то. Потом грянула война. Папа получил микро-

Мой будущий избранник не обязательно будет чеченцем, но мусульманином быть обязан

канал опять попадет под подозрение?

– В нашей стране возможно все. То, что творится с ЮКОСом, не исключает, что это может быть и с нами, и даже со вторым каналом, с первым. Это страна, где ничего нельзя исключать.

– Ваши соведущие Пивоваров, Хреков участвуют в разработке концепции, в подготовке очередного выпуска и материалов. Вы на равных с ними работаете?

– Поскольку я сделала такой быстрый скачок, я точно не могу быть раз равных. Отсутствие такого опыта для меня большой минус. У них есть свой взгляд и свой стиль, отработанный за 10 лет в «Намедни». Они все видят, понимают. Я же пока прислушиваюсь, приглядываюсь и учусь.

– Теперь, когда вы телезвезда, московские стражи порядка вас не останавливают?

– Все время останавливают. Каждый раз проверяют прописку, которой у меня до сих пор нет. Проверяют регистрацию. Она каждый раз кажется фальшивой. Какая бы я ни была ведущая, на улице меня ждет та же судьба, что и всех остальных.

– А почему же вам прописку не сделают?

– Я не знаю. Про прописку, про квартиру – это вопрос к руководству НТВ.

– Вы думаете делать свои проекты?

– Если бы не это предложение по поводу НТВ, я очень хотела делать газету отца. Я думаю, что я ее и буду делать. Она называлась

инсульт, сидел в подвале под бомбежками, его чуть федералы не убили...

– И газету закрыли?

– Нет, отец ее восстановил как частную газету. У нас была однокомнатная квартира в центре Грозного, там он сделал офис, дневал, ночевал. И именно в этом офисе у него случился уже второй инсульт, после которого он недвижим, не разговаривает. Поэтому для меня дело чести, дело семьи выпускать эту газету дальше, тем более, слава богу, потенциал есть. Есть коллектив, и есть простые чеченцы, которые всегда спрашивают: а где газета, а где Абдулла? Не все знают, что случилось. И многие при встрече говорят: ой, ты дочь его, почему нет газеты? А теперь произошла непонятная история: какие-то люди, видимо, подделав документы, естественно, ничего не спрашивая у владельца, начали выпускать «Голос...». Когда я стала интересоваться, откуда деньги, выяснилось, что как раз перед выборами финансированием папиной газеты занимается Хусейн Джабраилов, он один из кандидатов. И эта история тоже не оставляет ни «капельсечки» места для предвыборных иллюзий для меня как журналиста и как избирателя.

– А вообще в Чечне сейчас много газет?

– Немало. А с выборами их будет еще больше. Но нормального качества нет ни у одной газеты, к сожалению.

– Кадыров был духовным авторитетом, муфтием. Их вообще много в исламском мире

России. А кто для вас является авторитетом?

– Никого, к сожалению, назвать не могу. Не знаю для кого Кадыров был авторитетом, хотела бы понимать психологию этих людей. А Талат Таджуддин с этой историей объявления джихада Америке... Это вообще смех, нельзя так себя компрометировать! Нет, с авторитетами у нас сложно...

– Но вы соблюдаете исламские традиции?

– Пытаюсь.

– В Останкино же наверняка курят, всякие фуршеты с вином устраивают...

– На любом фуршете есть сок, минеральная вода... Вы знаете, я с самого начала всегда очень четко объясняю, что я могу и чего не могу. Поэтому ко мне никто не пристает с пожеланиями спойть, напоить.

– Но уж пассивным курильщиком вы наверняка становитесь...

– У нас и в семье так было всю жизнь. Папа курил. С чеченскими мужчинами в этом плане... тяжело.

– Ваш будущий избранник может быть только правоверным?

– По идее, он должен быть мусульманином. Необязательно чеченцем, но мусульманином быть обязан. Да, у нас немного строгие правила...

– Существует ли московская чеченская диаспора как некий слой близких по духу, по интересам людей?

– Близких по менталитету – да. Но близких по интересу... В чеченской диаспоре есть, пожалуй, только один общий интерес – это мир в Чечне и возвращение домой. Этот интерес, конечно, объединяет.

– Вы много времени проводите в общении с земляками? Есть ведь в Москве рестораны, любимые места, где собираются чеченцы?

– Да, есть на Кузнецком Мосту маленькое кафе, «Орга» называется, это название реки в Чечне. Есть в гостинице «Салют» чеченский ресторан. Небогатые чеченцы очень любят делать свадьбы в «Праге», в «России». Но я редко общаюсь с земляками. Иногда прихожу, когда бывает какое-нибудь большое событие. В последний раз была на открытии фестиваля Дней чеченской культуры в России, в концертном зале «Россия».

– Почему вас не тянет послушать родную речь? Может, слишком обрусели?

– Нет, я не обрусела. Меня тянет туда, но просто сейчас я очень занята, у меня куча проблем с работой, с той же регистрацией...

– Родной язык не забываете?

– Нет, я не забываю. Одна из моих проблем – это проскакивающий говор. А почему он проскакивает – потому что дома мы говорим и по-чеченски, и по-русски.

– Сын тоже будет знать и русский и чеченский?

– Да, точно так же, как и мы. В центре Грозного, где мы жили, очень мало было во дворе чеченцев, и мы все говорили по-русски. И я помню сцену из детства: я что-то у папы попросила. А он говорит: скажи по-чеченски. А я не могу этого сказать. Он говорит, иди у мамы спроси, как это будет по-чеченски. Так он меня учил. А я буду учить сына. ■